

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

8

1944

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

№ 8

Август 1944 года

Церковная жизнь

НАЗНАЧЕНИЯ НА АРХИЕРЕЙСКИЕ КАФЕДРЫ

Епископ Пензенский и Саранский Кирилл (Поспелов) перемещен Епископом Ташкентским и Среднеазиатским.

Пребывающий на покое Епископ Михаил (Постников) назначен Епископом Пензенским и Саранским.

Пребывающий на покое Архиепископ Виталий (Введенский) назначен Архиепископом Тульским и Белевским.

ВОССОЕДИНЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ЕПИСКОПА СЕРГИЯ (РУМЯНЦЕВА) С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

24-го июля 1944 г. в 2 часа дня в г. Ленинграде в Николо-Богоявленском Соборе собрались: Временно управляющий Ленинградской Епархией Высокопреосвященнейший ГРИГОРИЙ, Архиепископ Псковский и Порховский, Управляющий делами Ленинградской Епархии настоятель Спасо-Преображенского Собора Протоиерей Павел Тарасов, Протоиерей Николо-Богоявленского Собора Николай Ломакин, настоятель Князь-Владимирского Собора Протоиерей Филофей Поляков и Председатель Двадцатки Никольского Собора Н. Д. Успенский.

По совершении положенных молитв обновленческий Епископ Сергий Румянцев принес Архиепископу Григорию покаяние в пребывание в течение 19 лет в обновленческом расколе сначала в сане священника, а потом и Епископа.

После прочтения Архиепископом Григорием над кающимся разрешительной молитвы бывший обновленческий Епископ Сергий Румянцев был принят в каноническое общение с Православной Русской Церковью как мирянин.

Статьи

ПО СТРАШНЫМ СЛЕДАМ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ

(Крым)

Как член Чрезвычайной Государственной Комиссии я совершил в июле поездку по Крыму с целью расследования злодеяний и разрушений, причиненных немецко-фашистскими и румынскими захватчиками.

Пользуясь то самолетом, то автомобилем я посетил ряд крымских курортов и городов. Я видел героический Севастополь, многострадальную Керчь, оскверненную немецкими оккупантами Ялту. Я побывал в б. Георгиевском монастыре, в Балаклаве и Ливадии, в Алупке, в Симферополе, в Евпатории.

Места эти хорошо известны трудящимся Советского Союза. За годы советской власти Крым превратился во Всесоюзную здравницу. У большинства наших людей эти места связаны с самыми теплыми воспоминаниями. Здесь проводили свой отпуск, здесь лечились; сотни тысяч молодежи совершали пешеходные и автомобильные экскурсии по этому чудесному полуострову. Необычайная по своей красоте природа, прекрасный воздух; горы, упирающиеся вершинами в небо; всегда безоблачная небесная лазурь; то ярко синее, то изумрудно-зеленое море; субтропическая флора на южном побережьи — пальмы, широколиственные платаны, желтая и розовая мимоза, благоухающие магнолии,— все это делает Крым каким-то сказочным уголком на земле. И, кроме того, Крым — это исторический музей. Народы Эллады, Рима, Византии, Генуи, Венеции, Оттоманской империи в периоды своего возвышения на исторической арене поочередно побывали в Крыму — неиссякаемой житнице, богатейшем фруктовом саду, крае с неисчерпаемыми земными недрами — и все они оставили следы своей культуры на крымской земле.

В мечтах о гегемонии над миром временно овладели и гитлеровцы Крымом и тоже оставили следы своей «культуры», такой «культуры», которая на много веков останется позорнейшим пятном в истории германского народа. Что сделали вандалы и людоеды XX века с этой жемчужиной нашей страны?

* * *

Когда за поворотом дороги развернулась панорама Севастополя, забилось сердце: город казался живым. Вот он стоит ослепительно белый под ясным крымским солнцем, возвышаясь амфитеатром над темно-голубой бухтой. Извечно спокойно плещется море. Издали кажется, что Севастополь цел. Но, к несчастью, это только кажется и только издали.

Машина несется по белой крымской дороге, и все яснее и яснее вырисовываются страшные раны исторического города-героя. Сердце за-

полняется холодом ужаса. Всюду одни руины. Нет почти ни одного уцелевшего дома.

Но на этих руинах нет теней того грустного умиротворения, какие налагают пронесшиеся века на остатки какой-нибудь генуэзской крепости или греческого некрополя. Наоборот, эти свежие развалины вызывают страстное желание жить и творить, жить, чтобы победить, чтобы восторжествовать над разрушением.

Разрушен порт и железнодорожный узел. Мастерские, депо, причалы, плавучие паровые краны, склады, служебные помещения, пути — все превращено в развалины. Заводы, фабрики уничтожены. Взорваны электростанции. Надо оговориться, что предварительно все электрооборудование было вывезено в Германию. Но народ жив, сильный и творческий народ, хозяин своей страны, и всюду мы видим людей, стремящихся как можно скорее восстановить жизненно необходимое хозяйство.

Неизмеримо труднее будет восстановить памятники, а они подверглись наибольшему разрушению. Известная панорама Севастопольской обороны 1853—1856 гг. сожжена; памятник адмиралу Корнилову на Малаховом кургане увезен немцами в Германию, а пьедестал разрушен; памятник Тотлебену обезглавлен. Уничтожены почти все памятники и надмогильные плиты на Английском кладбище. Расхищены экспонаты Исторического музея.

Доказательство бессмысленной и тупой немецкой злобы представляет сегодня Херсонес. Херсонес, древняя Корсунь, дорог каждому христианину, как святыня. Здесь, по одному из преданий, русский князь Владимир Святой принял крещение. Величественный собор Св. Владимира, сооруженный в память этого события над остававшимся целым древне-христианским храмом, взорван, подобно Ново-Иерусалимскому собору близ г. Истры. Древний греческий город (с V в. до нашей эры), который здесь тщательно охранялся в своих остатках, как историческая ценность, изрыт траншеями, исковеркан; его каменные сооружения, постройка которых теряется в глубокой древности, были использованы врагами в качестве строительного материала на доты и дзоты.

Хранитель музея, который пережил здесь немецкую оккупацию, рассказывал мне, как много ценнейших вещей расхитили немцы. Он так детально описывал мне раскопанные здесь и хранившиеся в музее экспонаты, точно видел их перед собой. Чернолаковые и краснолаковые сосуды, трехручная уникальная урна, бусы, которые много веков назад украшали шеи гречанок... Свыше трехсот этих музейных экспонатов увезли и расхитили оккупанты.

Злодеяния гитлеровских людоедов над советскими людьми в Севастополе производились в таких же массовых масштабах, как и в других местах. Множество женщин, стариков и детей вывезено ими в море и потоплено. Мирное население использовалось в качестве маскировки при отступлении немцев. Взрывались скалы вблизи Севастополя, в подземных ходах которых прятались от немецкой бомбардировки местные жители. Военнопленных сжигали на баржах. Количество мирных граждан, погибших в Севастополе за период фашистского нашествия — расстрелянных, умерших от голода, потопленных, заваленных взорванными скалами,— составляет много тысяч.

Счет злодеяний бесконечен и чудовищен. Можно было бы притти в отчаяние, если бы не вера в творческую и непобедимую силу нашего народа. Он велик, могущ, несокрушим и терпелив. Он найдет в себе силы пережить свое несчастье. Он восстановит героический город.

И я убежден, что пройдет немного лет, как в этих местах возобновится жизнь столь же спокойная и безмятежная, как спокойно и безмятежно в этот солнечный день синее море в Севастопольской бухте.

В Севастополе я сделал еще одно наблюдение, характерное для гитлеровских злодеев. Мне показали в городе своего рода эстакады, которые немцы построили над бухтами. С этих эстакад, по проведенным на них железнодорожным колеям, немцы сбрасывали в бухты вагоны, чтобы, с одной стороны, сделать бухты непригодными для стоянки кораблей и, с другой стороны, уничтожить перед сдачей города сотни вагонов. Жители рассказывали мне, что в ряде этих сброшенных вагонов были раненые румыны. Так гитлеровцы «благодарят» своих «друзей» и сподвижников по кровавой агрессии.

* * *

В Керчь я прилетел на военном самолете.

С представителями местных властей, общественности и членами городской комиссии по расследованию фашистских злодеяний я направился прежде всего к так называемому Багеровскому рву. О массовых расстрелах мирных советских граждан здесь и в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью мировая общественность узнала из ноты Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова. Оба эти места посещены мною.

Я шел по цветущей долине. Ветер, всегдашний керченский ветер, шелестел в листьях одиноких здесь деревьев. Высоко в голубом небе порхали птицы, радостно щебеча; зеленая трава под ногами стлалась, как мягкий ковер. Казалось, что все следы преступлений, совершенных здесь, скрыты. Но вот глазам открылся огромный ров, не до верху засыпанный землей. Он травой не порос. Здесь немецкие звери расстреливали и закопали много тысяч людей.

В памяти оставшихся в живых людей эти зверства не зарастут травой, ветер не развеет воспоминания о замученных близких, и солнце не расправит морщин, порожденных страданиями. Я беседовал со многими гражданами города Керчи. Они мне подробно рассказывали о том, как происходили эти массовые расстрелы мирных людей.

Еврейское население уничтожено поголовно. Чудом сохранившаяся гражданка Хайтович рассказала мне следующее:

«По приказу немецкого коменданта города все евреи 25 ноября обязаны были явиться на Сенную площадь. После того, как собралось нас множество, всех нас оцепили немецкие автоматчики и под угрозой расстрела отвели в тюрьму. На третий день заключенных стали выводить партиями из тюрьмы и сажать в машины. Интервал между отъездом и возвращением машин составлял, примерно, двадцать минут. В тюрьме я была с дочерью, 18-летней красавицей, и нас обеих посадили в одну из машин. Мы уже догадались, что нас везут на расстрел. Я плакала, а дочь утешала меня и обнимала. Нас подвезли к противотанковому рву, на дне которого уже лежало много трупов, и поставили к краю. Мы в последний раз обнялись с дочерью и попрощались. После первых же выстрелов я потеряла сознание. Когда я очнулась и стала выползать из-под трупов, то увидела, что немцы разбивают челюсти расстрелянным и вынимают золотые зубы. Я должна была притихнуть. У меня были раны на голове и в бедре. Дочь моя была убита. Потом я с ужасом почувствовала, что нас засыпают землей, хотя некоторые около меня еще дышали и стонали. К счастью, мне не засыпали

головы и правой руки. Дождавшись темноты, я выкарабкалась из-под земли, поцеловала не засыпанную землей левую кисть руки моей дочери и кое-как поднялась из страшного места. Я направилась к ближайшей деревне. Там, в семье русских, мне оказали первую медицинскую помощь»...

Я спускался на большую глубину в Аджимушкайских каменоломнях. Там, при свете факелов, мы склонили головы перед горами трупов наших мирных людей, удушенных газами и уморенных голодом в подземных коридорах этих каменоломен. Немцы, зная, что мирные жители Керчи ищут себе здесь убежища, решили уничтожить тысячи женщин с детьми и стариков.

Керчь — крупный индустриальный центр с большими перспективами к развитию. Керченский полуостров богат ископаемыми и особенно железной рудой. Немцам, временно захватившим этот край, не пришлось воспользоваться своей добычей, но ущерб советскому хозяйству в Керчи они нанесли огромный. Мы прошли по всему городу. Разрушены порт, мол, сохранившийся здесь со времен генуэзцев. Сожжены все складские и служебные помещения. Фабрики, заводы превращены в груды мусора. От двух железнодорожных керченских станций остались развалины. Разбиты почти все жилые дома в городе.

Уничтожены или сильно пострадали исторические памятники. Испорчена роспись знаменитого склепа Деметры (I век нашей эры), этого выдающегося памятника античной живописи. Крышка всемирно известного Таманского саркофага (конца IV и начала III в.в. до н. э.) превращена в груду мелких осколков. Церковь Иоанна Предтечи (VIII в.) повреждена огнем немецкой артиллерии. Разгромлены музеи с драгоценными образцами античной культуры.

С тяжелой, скорбной душой я проходил мимо Троицкой, Успенской, Покровской и еще двух церквей, взорванных врагом, представляющих собой кучи кирпича и камня.

Перед отлетом из многострадальной Керчи, я мысленно низко поклонился ее ранам, ее могилам и горячо пожелал провожавшим меня керченцам скорее залечивать эти раны, нанесенные городу, и опять засиять Керчи прежней славой и красотой в ряду других наших городов.

* * *

Ялту называют «жемчужиной» Крыма. Окруженный с трех сторон горами, город утопает в субтропической зелени. Дворцы, превращенные в санатории, и санатории, и дома отдыха, построенные как дворцы, создали в Ялте прекрасный архитектурный ансамбль. Горы охраняют Ялту от ветров, и в городе растут пальмы, цветут магнолии. Кажется, в этом чудесном крае, в этом уголке земного рая нет места злу.

Но только не для немцев. Прекрасные, величественные санатории и дома отдыха, гостиницы для приезжавших сюда отдыхать и лечиться разграблены и разрушены. С тяжелым чувством мы шли по знаменитой Ялтинской набережной, с ее пальмовой аллеей: мы увидели груды кирпича или коробки сожженных домов.

В Ялте и окрестностях вырублена сосна, которая являлась защитной зоной, регулирующей режим воды в городе и близлежащих курортах. Уничтожение сосны значительно влияет и на климатические условия этих курортов. Зачем это сделано? Мой разум не находит объяснения. Срубленная сосна не представляет никакой строительной ценности и условия гористой местности не позволяли ее транспортировать.

На территории города существовало три лагеря для военнопленных. В них заморено голодом много наших бойцов. Множество расстреляно и замучено и мирных ялтинских граждан. Доктор Милевский сам пошел на расстрел, потому что его жена — еврейка «должна была быть расстреляна». Священника Алупкинской церкви Димитрия Чайкина расстреляли потому, что он выдавал законные справки евреям о переходе их в православие.

Те, кто «по закону», страшному гитлеровскому закону, «не подлежал» расстрелу, должен был по тому же закону умирать с голоду. Заработать на пропитание в Ялте при немцах не было возможности. Но не лучше было и с теми, кто «привлекался» к работе. Доктор Д. Мухин, который пришел ко мне лично побеседовать, рассказал, что ему было поручено «два часа в день лечить мирное население». Но чтобы прокормиться, он вынужден был продавать свое имущество. Доктору медицины Амстердамскому 80 лет. Он заслуженный врач. У немцев он работал в качестве сторожа.

Привыкнуть видеть преступления нельзя. Не может быть предела чувству возмущения при виде злодеяний. Но когда видишь их столько, сколько видел я, то перестаешь удивляться мере и видам этих злодеяний: известно, что гитлеровцы — изверги, превзошедшие преступников всех времен. Однако в Ялте, в этом солнечном и ясном городе, я увидел такое, перед чем меркнет слава библейского Ирода. Неподалеку от Ялты, на склоне горы, в саду, раскинувшемся от вершины склона к морю, есть огромные колодцы, хранилища воды в засушливое время. Здесь, среди кипарисов и платанов, ореховых и оливковых рощ, немцы устроили место страшной казни. Они приводили сотни мирных людей, подводили их по очереди к краю колодца, стреляли в них и, не дожидаясь момента их смерти, часто полуживых, бросали в колодец. А многих сбрасывали и без выстрела, живыми. Когда колодец наполнялся до верху, они прикрывали его сверху камнями. Затем наполняли следующий.

Я спускался к этим ужасным могилам мимо виноградников с созревавшими гроздьями плодов, по той дорожке, по которой незадолго до этого вели несчастных людей. Внизу синело море. Воздух был напоен ароматом южных цветов и деревьев. Вся природа дышала миром и, казалось, могла пробуждать в человеческой душе только возвышенные, святые чувства. Но здесь совершалось гнусное, кошмарное преступление!

Я пишу и спрашиваю себя: неужели мы живем в двадцатом веке, и люди, совершавшие это дело,— мои современники и называют себя христианами? Но я не могу не верить своим глазам.

И с какой радостью, с каким глубоким удовлетворением глаза мои останавливаются на советских людях, которые собирают сейчас урожай на полях и в садах. Проезжая по крымским дорогам, я всюду видел наших людей. Я знаю, сколько труда они приложили, чтобы восстановить свои виноградники, обработать сады и огороды, засеять плодоносные крымские поля этой весной. Теперь они работают днем и ночью, чтобы собрать урожай без потерь. Рабочих рук нехватает, каждому приходится работать за двоих, за троих. А урожай в Крыму небывалый — и фруктов, и овощей, и пшеницы. Солнце печет нестерпимо. Видно, как движется раскаленный воздух. Звенят мириады цикад. Но люди не чувствуют усталости, потому что радостен их труд на родной и свободной земле.

* * *

Страшные злодеяния совершены гитлеровскими разбойниками в Симферополе. Вблизи города, на территории совхоза «Красный», они организовали концентрационный лагерь для мирных советских граждан. В лагере творилась зверская расправа над жителями — мужчинами, женщинами и детьми. Этот лагерь был превращен в сборный пункт смертников. Сюда пригонялись группы заключенных от 400 до 2 тысяч человек и уничтожались, после чего вновь набирались новые партии смертников.

Методы умерщвления наших людей в этом лагере немецкими людоедами применялись различные — один другого кошмарнее: расстрелы, сжигание, удушение, сбрасывание живыми в колодец.

Я побывал на месте этого лагеря и в местах злодейских преступлений.

Невдалеке от лагеря, на обширном поле, покрытом мелким кустарником, обнаружено свыше 20 ям, наполненных трупами. Эти ямы — так называемые капониры — широкие и глубокие прикрытия в земле для автомашин с покатым входом. Несчастные жертвы загонялись в капониры группами и здесь расстреливались, при чем, как установлено при вскрытии этих ям, многие, не будучи убитыми, в том числе и дети, засыпались живыми.

Отсюда я прошел в долину, где наши люди сжигались живыми. Среди огромного луга, покрытого тысячами ярких южных цветов и высокой, волнующейся при ветре, зеленой травой, мы увидели огромную темно-серую от человеческого пепла площадь. Сюда привозили людей, обливали смолой и сжигали заживо. Жители деревни в $1^1/_2$ километрах от места этой зверской казни слышали душераздирающие крики сжигаемых. На этом месте сейчас мы нашли во множестве обгоревшие человеческие кости, металлические детали одежды (пуговицы, пряжки и пр.) и куски смолы.

Фашистские звери — садисты изыскивали самые мучительные способы уничтожения мирных людей. На территории совхоза «Красный» имелись глубокие колодцы. Немецко-фашистские захватчики живыми сбрасывали заключенных из концлагеря в эти колодцы. Среди извлеченных из колодцев трупов — множество детских...

В Симферополе замучено много тысяч людей.

Какие страшные следы гитлеровских палачей на прекрасной, солнечной крымской земле!

В дни своего пребывания в Симферополе я послужил в местном Соборе благодарственный молебен по случаю освобождения Крыма от временных захватчиков. В служении молебна участвовало все духовенство города и собралось множество верующих людей. Поздравив верующих с изгнанием врага из Крыма, я долго беседовал с ними, утешая их в их скорбях, причиненных кровавым врагом, и никогда не забыть мне, какими искрами беспредельной радости сияли их лица при моем поздравлении с окончанием кошмарной ночи и наступлением дня свободы!

* * *

В широких степях западного побережья Крыма, у целебных грязевых озер лежит один из самых давних курортов — Евпатория. При советской власти здесь был создан первый в СССР детский курорт. Изумительны и необозримы пляжи Евпатории, покрытые золотистым и бархатным чистым приморским песком.

Что я увидел в Евпатории?

Пляжи изрыты, опутаны колючей проволокой. Немцы так старательно и «заботливо» их заминировали, что до сих пор нельзя быть полностью уверенным за безопасность детей, если бы их вздумали привезти сюда отдыхать.

Но детей сюда едва ли скоро удастся привезти. Евпаторийский курорт разрушен более, чем другие, виденные мною. Здесь нет ни одного санатория и дома отдыха, который уцелел бы полностью. В детском санатории им. Крупской немцы устроили конюшни. В детском санатории имени «13 лет Красной Армии» помещалось СД. Отступая, немецко-румынские налетчики взорвали эти санатории, так же как и санаторий им. 1 Мая, «Гелиос», им. Клары Цеткин и целый ряд других. На набережной Евпатории — груды мусора и камня на местах изящных, обширных дворцов-санаториев.

Попрежнему здесь воздух душист. Ветер приносит из степей запах цветущей полыни. Попрежнему зеленеет море и золотятся пески в лучах заходящего солнца, так спокойно — спокойно скрывающегося за горизонтом. В этот вечерний час здесь на пляжах звенели тысячи детских голосов, слышался плеск воды и звонкий смех. Сейчас здесь тихо. И в этой тишине еще грустнее выглядит разрушенный порт, взорванные пристани, скелеты служебных зданий и гидротехнических сооружений. Ржавеют искареженные рельсы железной дороги. Все ценное увезено в Германию. Пустая электростанция похожа на разрушенный сарай.

Вместе с властями города и представителями общественности я отправился осмотреть «Красную Горку» — такое название здесь носит свалка, где немцы устроили место расстрела. Здесь было замучено и убито много тысяч человек. Иногда это были целые семьи. Память о них сохранилась только у соседей. Большинство трупов, при вскрытии массовых ям-захоронений, опознаны.

Нет предела чувству глубокого отвращения и жгучей священной ненависти к гнусным захватчикам. Рядом со мной стоит на месте могил наших мучеников — Мария Аркадьевна Гриднева, еще не старая женщина. Я слушаю ее рассказ, прерываемый слезами, и мне тяжело, что я бессилен ей помочь. Немцы расстреляли у нее отца 80 лет, мужа и единственного семнадцатилетнего сына. Она рассказывает, как она видела сына в последний раз,— его вели в группе обреченных, таких же мирных граждан города Евпатории. Позже, при раскопках, произведенных на «Красной Горке», ею был найден труп сына, который она положила под отдельным холмиком. Дочь, мать и жена никогда не сможет забыть и простить. Я спросил у своих спутников: где сейчас работает Гриднева. Мне ответили: с утра до ночи отдает себя делу восстановления детских санаториев.

Мне вспоминается ночь на 10-е мая. Я был тогда в Ленинграде, куда выезжал также для обследования немецких злодеяний в самом Ленинграде и его изуродованных пригородах. Радио радостно разнесло по всей стране весть о том, что битва за Крым завершена. Наши войска «несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополем» — читал диктор слова приказа Верховного Главнокомандующего. Как и каждого любящего Родину меня охватило чувство огромной радости. И в то же время пронизала мысль: конечно, и в Крыму подлый враг оставил страшные следы своих звериных клыков и обездолил своими злодеяниями тысячи жен и матерей. Я увидел теперь сам кро-

вавые следы фашистского зверя в Крыму. И я сам беседовал со многими из таких вот обездоленных гитлеровцами женщин, как Мария Гриднева. Их мужество и самоотверженность восхищают меня. Они находят в себе силы духа не упасть перед горем, а преобороть его. Потеряв семью, они всю свою любовь отдают Родине. Это все, что у них осталось. Это они будут восстанавливать детские санатории и здравницы, они будут ухаживать за приехавшими на отдых детьми, они будут радоваться их смеху и здоровью. А среди приехавших детей будет много таких, которые потеряли родителей. И ласка чужой женщины заставит их забыть о погибшей матери.

Гитлеровцы принесли нам много горя. Дорого обошлось нам их безумное нашествие. Но мы видим, как это несчастье, обрушившееся на нашу Родину, открыло всему миру возвышенные моральные качества советского человека.

Отомстить за неслыханные в истории мира злодеяния гитлеровских людоедов сумеет наша доблестная, родная Красная Армия. И она это блестяще выполняет. Недалек тот день, когда вместе с союзными армиями она добьет до конца фашистского зверя в его берлоге. Гитлеровские разбойники недостойны жить на земле; мы не можем дышать одним с ними воздухом. И истребленные с лица земли они уйдут в историю с печатью проклятия со стороны всего свободолюбивого и миролюбивого человечества.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

ПЕРВЫЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ

(23 и 26 января 1589 г.)

В январе 1589 года в Москву приехал вселенский патриарх Царьградский Иеремия. С этим приездом непосредственно связано учреждение московского патриаршества.

Москва давно желала патриаршего сана для своего первосвятителя. Москва понимала, что, для того чтобы в действительности ей стать третьим и последним Римом, ей недостает церковного положения, равного двум павшим Римам. В Царьграде, уже потерявшем свое царство, церковью правил патриарх, а в Москве, могущественной и славной, предстоятелем церкви был митрополит, владевший лишь второю архиерейскою степенью и потому стоявший ниже и как бы в зависимости от патриарха.

Понятно поэтому, с какою неподдельною радостью Москва узнала, что, наконец, ее Церковь почтена будет высочайшею честью, равною апостольским церквам православного Востока, что ее гость, вселенский патриарх Иеремия вместе с русским собором возведет ее митрополита в святейший сан патриарха.

Заботы московского правительства сосредоточились теперь всецело на том, чтобы совершить это великое дело с достойным великолепием, соответственно державе «всего христианства», духовным государем которой будет новопоставляемый патриарх. Естественно, что поставление патриарха, небывалое в Москве, желали совершить по совету патриарха Иеремии так же, как совершается оно на Востоке. Поэтому царь Федор Иоаннович с духовенством и боярами приговорили расспросить об этом Иеремию через дьяка Андрея Щелканова и взять у него письменное изложение самого чина патриаршего поставления.

Патриарх не замедлил письменным ответом. В нем он изложил порядок наречения и особо порядок поставления в патриархи, по чину «Великия апостольския церкви цареградския».

«После того,— писал Иеремия,— как выберут, кто будет первый и второй и третий, того, которого царь произволит и патриарх поставит начальником. И к тому начальнику пошлют от царя и от патриарха в келью двух человек и известят ему царским и патриарховым словом, что его царь и патриарх хотят нарицати в патриархи Владимирским и Московским и всея России».

Действительный смысл такого избрания трех кандидатов на патриаршество и из них одного для наречения и поставления в патриархи был очевиден: если кандидат этот оставался в келье и в избрании не участвовал, то, значит, выбор его должен был состояться заранее, чтобы

сейчас же после соборного провозглашения его таковым могло состояться оповещение его об этом в келье. Московская власть в точности исполнила этот совет патриарха и самому патриарху предложила действовать во всем по предварительному «приговору» царя.

Чины наречения и поставления, предложенные патриархом, не понравились царю. При наречении избранный должен был говорить: «Благодарение царю и п а т р и а р х у». После поставления он должен был ударить челом опять «царю и п а т р и а р х у». Наконец при поставлении не было никакого особого посвящения в патриархи, особой хиротонии. Если в благодарении и челобитьи могли видеть принижение славной Москвы перед павшим Царьградом, то отсутствие хиротонии противоречило русским обрядам. В Москве и митрополита вновь рукополагали, хотя бы он имел уже благодать епископства. Тем более ожидали того же для высочайшего сана патриарха, с единственным отличием в еще большей торжественности и еще большем великолепии.

Не удовлетворившись восточными чинами, царь приказал дьяку Щелканову составить новый чин наречения и поставления на патриаршество. Материалами для этого составления ему приказано было взять греческий чин, присланный патриархом, и русский чин поставления митрополита, причем дьяк должен был опустить все, что могло ослабить важность и силу вновь учреждаемого в Москве патриаршества, и, напротив, прибавить такие подробности, которые бы ясно свидетельствовали о его величии.

Дьяк с успехом исполнил поручение царя, и последний вместе со священным собором и боярами одобрил составленный им чин поставления русского патриарха. Тогда же решено было отправить к патриарху Иеремии особое посольство, которое бы вручило ему от царя подробный приказ, что, как и когда действовать при ожидаемых торжествах. Такова была действительная цель посольства. Но для торжественности и почета посольству все-таки приказано было поговорить с патриархом «как тому делу великому наречению быти, и в который день совершению». А чтобы этот разговор достиг своей цели и в то же время был полон достоинства и приличия, все речи послов были дословно определены в предварительном царском наказе.

В длиннейших разговорах и речах послы сообщили Иеремии волю государя, чтобы избранию московского патриарха быть «в четверг января в 23-й день, а поставлению в день воскресный, в неделю января в 26-й день». При этом они вручили патриарху и «приговор великого государя царя о наречении патриарха московского и всея Руси». В нем, между прочим, наказывалось относительно трех кандидатов на патриаршество: «а выбрать митрополита Иова всея России, архиепископа Александра Новгородского, архиепископа Ростовского Варлаама». О результатах этого выбора здесь же сообщалось, что царь «изберет из тех из трех одного Иова митрополита всея России в патриархи».

Московская власть была озабочена, чтобы в предстоящих торжествах не было умалено ее достоинство и значение московского первосвятителя. Где предвиделась возможность такого случая, там поведение Иеремии было точно определено с настойчивым: «о том к патриарху приказати». При встрече, например, в царских палатах Иеремии с новоизбранным патриархом московским Иовом предписывалось им в царском наказе подойти друг к другу б е з п о с о х о в. «А будет,— предусмотрительно добавляет наказ,— посоха патриарх Иеремия отдати не похочет, и митрополиту Иову, своего посоха не отдав, идти к патриарху благословлятися и поцеловатися во уста».

23 января совершилось «наречение» митрополита Иова в патриарха. Рано утром в Успенский собор съехалось все духовенство, назначенное присутствовать при избрании и наречении патриарха московского. Сейчас же за патриархом Иеремией отправилось особое почетное посольство из двух епископов, трех архимандритов, пяти игуменов и семи соборных старцев. В соборе между тем протопоп с братией начал молебен, и с колокольни раздался благовест в малый колокол. Послы говорили патриарху данные им речи и просили его приступить к исполнению своего решения об учреждении в Москве патриаршества.

Патриарх с Рязанского подворья отправился в Успенский собор. В Кремле заблаговестили в большой колокол. Когда патриарх подъехал к углу Успенского собора, против митрополичьего двора его встретило новое посольство — из епископа, девяти архимандритов, трех игуменов и двух старцев. На соборном крыльце его приветствовали три епископа, два архимандрита и три игумена. При самом входе в собор его ожидала третья, и последняя, встреча — в лице трех архиепископов, троицкого архимандрита и соборных старцев. В соборе, перед образом Богоматери, патриарх выслушал входные молитвы и приложился к иконам и мощам. Став перед образом Владимирской Божией Матери, патриарх сейчас же приступил к тайному совещанию об избрании кандидатов на московское патриаршество. Раньше назначенные избиратели (митрополит греческий, два архиепископа и шесть епископов) удалились в придел Похвалы Богородицы для совершения самого избрания, а патриарх с остальным духовенством остался в главном храме. Митрополита Иова в это время совсем не было в соборе,— он оставался у себя в келье.

Избиратели совершили все по наказу, и имена трех кандидатов на патриаршество были записаны в трех избирательных грамотах. Окончив свое дело, они вручили грамоты патриарху, и весь освященный собор отправился в царские палаты, чтобы представить государю грамоты и выслушать от него имя будущего патриарха русского. Царь пригласил всех занять места. После нескольких минут общего безмолвия патриарх поднялся, объявил царю о совершившемся избрании и подал ему грамоты. Царь велел дьяку прочитать их и, выслушав имена избранных кандидатов, объявил, что выбирает на московское патриаршество митрополита Иова. Тогда почетные лица из духовенства и бояр отправились за ним на митрополичий двор звать его в царский дворец. Царь вышел встречать Иова в палатных дверях, за царем встречал Иеремия и все духовенство. Иов подошел и благословился у патриарха, и они целовались, «как меж себя патриархи целуются, в уста». Все заняли свои места. Посидев немного, царь объявил Иову: «По изволению Божию... и по нашему совету... приговорили быть тебе, Иову, митрополиту всея Руси, на велий престол в патриархи в Московское государство Российского царствия». Патриарх благословил Иова, и снова все сели. Потом тем же порядком объявлен выбор кандидатов на новооткрываемые митрополии Новгородскую и Ростовскую.

После этого все духовенство отправилось в собор. Перед иконою Богоматери Иеремия и Иов стояли рядом, первый по правую, а второй по левую сторону. После поклонения святыням собора Иеремия ушел, а Иов остался слушать обедню. После обедни духовенство торжественно проводило его в палаты и там многолетствовало своему нареченному патриарху.

26 января совершилось посвящение первого русского патриарха.

Среди Успенского собора приготовлен был высокий и обширный помост и на нем три богато украшенных стула для царя и двух патри-

архов. От этого помоста по обе стороны к алтарю были поставлены скамьи для властей. У амвона, на церковном помосте, велено было «умеющему написати орла единоглавна, право стояща на ногах», под ним город с башнями и столпами, «орлу ж крепко ногами наступивше на столпы те», чем выражалось тогдашнее представление о духовной власти патриарха. У орла стояли двенадцать прислужников, чтобы никто, кроме патриарха, не наступил на него.

В первом часу дня начался благовест. Вместе с властями пришел в собор нареченный патриарх Иов и стал в приделе Похвалы Богородицы. Прибыл в собор и Иеремия. Когда кончилось его облачение, колокольный звон возвестил о торжественном шествии царя в сопровождении большой и блестящей свиты. Когда царь и патриарх заняли свои места на помосте, соборный протопоп и греческий архидиакон Леонтий выводили из алтаря властей по два. Власти кланялись царю и садились на скамьях.

После всех приведен был Иов. Ставши у орла и «мало поклонившись царю и патриарху», он вслух всем прочитал свое исповедание. В этом исповедании он изложил свою веру по символу, обещал хранить предания соборов и отцов, свидетельствовал предо всеми, что не искал патриаршего сана, обещал с любовию относиться к подчиненным ему властям духовным, а паству свою хранить в православии от армян, латын и прочих иноверных. Обещал, между прочим, «не творити ничто же по нужде ни от царя, или от князя велика, или от многих, или от людей многих, аще смертию ми воспретят, веляще что сотворити, чрез божественная и священная правила, его же ми недостоит творити».

Когда Иов кончил исповедание, архидиакон «возгласил велиим гласом: «Вонмем», а патриарх Иеремия благословил его издали и произнес: «Благодать Пресвятого Духа нашим смирением имеет тя патриархом в богоспасаемом граде царствующем Москве, и всего Российского царствия». Иов подошел к Иеремии, получил от него благословение и сам благословил Иеремию, после чего патриарх и все епископы приветствовали Иова целованием. Иов снова стал у орла и немного поклонился Иеремии, который благословил его со словами: «Благодать Пресвятого Духа да будет с тобою». После этого Иов взошел уже на свое место, рядом с царем и патриархом. Начались взаимные приветствия царя, патриархов и властей, после чего Иов снова был отведен в придел Похвалы Богородицы.

Патриарх Иеремия начал обедню. Во время пения «Святый Боже» он повелел привести Иова. Два митрополита с протопопом ввели последнего в алтарь, и здесь торжественно повторена была над ним архиерейская хиротония. Патриарх велел водить Иова кругом престола и петь всем «Святии мученицы», как и над прочими ставленниками. Когда Иов стал пред престолом, на голову его патриарх возложил евангелие, прочие архиереи возложили свои руки, и после благословения Иеремия прочитал молитвы. При пении «аксиос» на новопоставленного возложили митру, и посвящение патриарха окончилось взаимным целованием. После «Достойно есть» Иеремия впервые поминал «Святейшего патриарха нашего Иова Московского и всея Руси». Архидиакон Леонтий потом поминал всех патриархов, «отворя царских дверей один отвор, в алтарь идучи правый».

После литургии, на средине храма, весь собор совершил древний обряд «настолования» патриарха. Два митрополита возвели Иова на архиерейское место и три раза сажали его на стул при общем пении всякий раз «Исполла эти деспота». После поднесения Иову иконы и

других подарков царь вручил ему посох, причем произнес речь, в которой изложил кратко историю, как совершилось поставление патриарха, и просил править паствой и молить за нее Бога. Патриарх в свою очередь отвечал, что это его долг.

После обедни, во время обеда у царя, новый патриарх совершил «шествие на осляти» вокруг Кремля, а 28 января — кругом Белого города [1].

На другой день по посвящении, 27 января, обед был у патриарха Иова. С большою почестью встречал он патриарха Иеремию. Иеремия в свою очередь оказал Иову великий почет. Когда они встретились, Иов первый просил благословения у Иеремии. «Ты мне великий господин и старейший отец,— говорил Иов,— я принял от тебя благословение и поставление на патриаршество, и теперь нам от тебя нужно благословиться». Иеремия отказывался и сам просил у Иова первого благословения».— «Во всей подсолнечной,— отвечал Иеремия,— один благочестивый царь, вперед, что Бог изволит. Здесь подобает быть вселенскому патриарху. А в старом Царьграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок». Однако Иеремия уступил просьбам Иова, но зато в палаты пошел уже за Иовом, вторым.

Перед обедом оба патриарха были у царицы. Царица приветствовала Иеремию «замечательною речью». Она говорила Иеремии: «Воистину ничто не могло быть честнее и достохвальнее пришествия твоего, которое принесло столь великое украшение Церкви Российской, ибо отныне, возвеличением достоинства ее митрополитов в сан патриарший, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, христолюбивые государи, великие князья и цари, и не сподобились видеть исполнения своих благочестивых желаний».

Царь и царица богато одарили обоих патриархов и приказывали окружать их при всех торжествах необыкновенным великолепием.

Церковные празднества завершились поставлением 30 и 31 января митрополитов Новгородского и Ростовского, которое совершил уже патриарх Иов.

ПРОФЕССОР Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ

---

[1] Подробности «настолования» и «шествия на осляти» см. в моей книге «Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве», М., 1896 г.

ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА СЕРГИЯ

При взгляде на портрет почившего Святейшего, помещенный в № 6 «Журнала Московской Патриархии» хочется сказать, перефразируя шекспировского короля Лира: «Патриарх, патриарх от головы до ног!».

Велико и глубоко важно соотношение между духом и формой. В материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. И больше того: дух творит формы; это ярко выражено в формах тел человеческих, ибо они соответствуют духовной сущности человека. Не только глаза — зеркало души, но все формы тела и его движений; и во всей внешности человека отражается духовная сущность его. Дух грубый и жестокий уже в процессе эмбриогенеза направляет развитие соматических элементов и создает отражающие его грубые и отталкивающие формы. Дух чистый и кроткий творит себе полное красоты и нежности жилище. Вспомните мадонн Рафаэля, Джиоконду Леонардо да Винчи.

Во всем облике покойного Патриарха с удивительной яркостью и полнотой отражалось величие его духа, его глубокий ум, благодатная духовность и удивительная, сразу покоряющая любовь, доброта и простота. Все его движения, милый и задушевный тон его речи, добрый юмор и всегдашняя ровность и спокойствие ярко отражали глубокий духовный мир и светлую собранность его души. Помню, как после братской трапезы он прощался с нами молчаливой светлой улыбкой и удивительно милым жестом руки.

Людям высокопоставленным часто свойственна величавость, сознание собственного достоинства и превосходства, неровность в обращении с людьми. Ни тени этих отрицательных свойств никто не видел в почившем великом Святителе, всегда сознававшем себя рабом Божиим и потому полном смирения.

Знаем мы, что такие светлые и благие свойства духа приобретаются только великими подвигами служения Богу и неустанной, ставшей потребностью, молитвой. Верным и великим служителем Богу и славой Церкви Христовой был в Бозе почивший Патриарх на протяжении всей своей долгой жизни и усердно черпал благодать Божию в долгих и частых молитвах, богослужениях и таинствах.

При таких светлых нравственных качествах Святейший блистал исключительно большим и ясным умом, просвещенным глубокой богословской ученостью. Незабываемы его полные глубины мысли знания канонов и истории Церкви, обширные ответы его противникам, оспаривавшим его права на местоблюстительство престола Патриаршего. О нем уже на соборе 1918 года говорили, что он видит на аршин под землей.

В 1942 году я имел с ним большую переписку по основным вопросам современной жизни, и его письма часто удивляли меня глубиной и верностью понимания сущности христианства, знанием Священного Писания и истории Церкви. Некоторые из них можно даже назвать небольшими богословскими трактатами. Не во всем он соглашался со мною, и часто я должен был признать его большую правоту.

Но, как ни велики были нравственные и умственные достоинства почившего, как ни много трудов понес он на высшем церковном посту, самым высоким его подвигом история, как я думаю, признает его великое самоотвержение и тяжелую жертву, которая оказалась необходимой, чтобы провести корабль церковный по страшным волнам церковной разрухи, расколов и разъединений, своеволия дерзких и непокорных. Господь, знающий сердца человеческие, конечно, не так, как враги-самоправедники, оценит это подвиг великого Святителя.

Этот подвиг был возможен только для человека с большим историческим и политическим кругозором, свободного от узкого консерватизма, горячо любящего родину и свой народ. Святейший Сергий ясно чувствовал и понимал, что между фашизмом и христианством непроходимая бездна, знал, что фашизм исторически обречен в неравной борьбе с новым и прогрессивным, и потому без малейшего колебания благословил необходимую и справедливую, вторую отечественную войну. И не только благословил, но неустанно призывал верующих к активному содействию нашей Красной Армии чем кто может и, конечно, неустанными молитвами о победе над врагами человечества. Призыв Святителя нашел горячий отклик в церковной среде, и скоро создалась большая колонна имени Димитрия Донского, потекли пожертвования деньгами и вещами на подарки раненым, на устройство осиротевших детей защитников родины и жертв фашистских злодейств.

В один из славных юбилеев Святейшего, тогда еще Местоблюстителя Патриаршего престола, я так приветствовал его: «Целую чело, осиянное светом разума и любви, лобзаю рамена, столь долго несущие самый тяжелый из омофоров архиерейских».

Поистине невыносимо тяжел был омофор Местоблюстителя, призванного к возглавлению Церкви Российской в один из самых тяжелых периодов ее истории. И всеправедный Господь Бог вознаградил его маститой и светлой старостью и блаженной кончиной.

Не обычную для людей кончину послал Господь Своему верному рабу, а блаженное успение, подобное успению преподобного Серафима Саровского. Ангел смерти нежно коснулся его святого сердца и остановил его. Так умирают только угодники Божии, и блаженная, безмятежная кончина Святейшего свидетельствует о том, что праведен пред Богом был путь его жизни и угоден Богу тот путь, по которому он вел Церковь Российскую.

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, успшему рабу Твоему, Святейшему Патриарху Сергию и сотвори ему вечную память!

ЛУКА, АРХИЕПИСКОП ТАМБОВСКИЙ

ЕЩЕ О ВЕЛИКОМ ПАТРИОТЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Обозревая деятельность святителя патриарха Гермогена глазами историка, приходишь к выводу, что его подвижническая деятельность — не только проявление его личных, исключительных качеств, обессмертивщих это имя, но что Патриарх Гермоген — воплощенная совесть Руси; он — олицетворение государственного духа Руси, выразитель голоса Православной Церкви, призывающей к сплочению масс народных на борьбу против иноземного порабощения нашей великой родины.

XVII век пришел на Русь в грозовых зарницах крестьянских волнений и восстаний против бояр и помещиков; феодальный гнет особенно проявился во время голода, три года не выпускавшего Русь из своих объятий.

В 1584 году умер царь Иван IV.

Обострились отношения внутри господствующего класса феодалов, между боярством и дворянством. Кризис экономический и социальный сопровождался кризисом политическим. Ставший после смерти Федора царем, в феврале 1598 года, Борис Годунов разошелся с чиноначальниками русской земли — боярством.

Во враждебных Годунову кругах пошли разговоры о якобы спасшемся от руки убийц в Угличе 15 мая 1591 года царевиче Дмитрии. Скоро в Москве узнали, что спасенный царевич уже в Польше и, получив поддержку польского правительства и шляхты, идет в Москву отнимать престол от узурпатора власти Годунова. Польско-литовские паны пока решили использовать события в Московском государстве в интересах Польши... Дальнейшие события хорошо известны. При поддержке своих зарубежных покровителей самозванец 20 июня 1605 года вошел в Москву. Борис Годунов умер еще до прихода самозванца (в апреле месяце), а вскоре после смерти отца был умерщвлен и юный Федор Борисович. Одиннадцать месяцев процарствовал самозванец в Москве, успев выявить подлинное свое лицо. Когда особенно реально почувствовалась опасность для русского государства, самозванец был свергнут в ночь с 16 на 17 мая 1606 года. Захватнические планы польских интервентов рушились.

19 мая на площади «малыми некими от царских палат излюблен бысть царем Василий Иванович Шуйский».

Избрание крупного вотчинника Шуйского не было единодушным желанием всего русского народа, а только бояр и крупных купцов. Современник дает ясно почувствовать это, когда говорит: «И устроися Россия вся в двоемыслие: ови убо любяще, ови же ненавидяще его».

Страна загорелась новыми крестьянскими восстаниями. Попрежнему враждебны были отношения между дворянством и боярством. Вспых-

нула борьба и в боярской среде, между Романовыми и Шуйскими. Поляки, воспользовавшись этим, подставляют второго Лжедимитрия. Вокруг него группируется значительная часть польско-литовской шляхты, сильно вооруженная и составляющая главную его базу. Второй Лжедимитрий со своими польскими покровителями и вдохновителями располагается в подмосковном селе Тушино. Нашлись изменники и в русском боярстве, которые собрались в Тушинском лагере, превратившись в орудие польских интервентов.

Василий Шуйский не проявил способности в борьбе с тушинскими интервентами. Но когда польские захватчики стали занимать русские города, грабить население и стремились превратить русскую землю в завоеванную страну, в разных местах Московского государства начались восстания против вторгнувшегося врага. Большую роль в деле освобождения родины из-под власти иноземных захватчиков стала играть Церковь. Ставленник первого самозванца, грек Игнатий, был устранен с патриаршего престола, и его сменил (3 июля 1606 г.) Казанский митрополит Гермоген, с именем которого связана широкая патриотическая деятельность. Для того чтобы блокировать Москву, тушинцам нужно было взять сильную крепость, защищающую русскую столицу с севера,— Троице-Сергиев монастырь. 25 сентября 1608 года враги, получив отказ от архимандрита Иоасафа добровольно сдаться, обложили монастырь. Все усилия врагов взять эту твердыню оказались безрезультатными. Сидельцы, среди которых наши источники отмечают значительное количество крестьян, вдохновляемые монастырскими иноками, с исключительным героизмом переносили невероятные лишения. Монастырь выдержал продолжительную осаду, блокада Москвы сорвалась. Большую патриотическую работу в этот период провели представители Церкви, так, например, епископ Иосиф Коломенский; мученически окончил свою жизнь за родину Тверской епископ Феоктист; отказался признать самозванца суздальский подвижник Галактион; горячо убеждал своих сограждан вести борьбу с польскими захватчиками зарайский протопоп Димитрий, выступавший рука об руку с местным воеводой, известным Д. М. Пожарским, и другие.

Деятельность патриарха Гермогена в пользу родины наши источники отмечали неоднократно. Приведем несколько иллюстраций. 17 февраля 1609 года (в субботу, на масляной неделе) большая группа, враждебная Шуйскому, в количестве до 300 человек, явилась на Лобное место и стала требовать низложения Шуйского. Старые инициаторы этого собрания (Роман Гагарин, Григорий Сунбулов и Тимофей Грязнов) решили было использовать для этого авторитет Гермогена, которого, против его воли, вывели на площадь. Однако Гермоген отказался поддержать домогательства этих лиц, так как свержение Шуйского и избрание нового царя могло бы вызвать новые осложнения, которые не преминули бы использовать враги. Первоочередным делом, по мысли Гермогена, должна была стать не расправа с Шуйским, а освобождение родины от опасности..

Потерпев неудачу, инициаторы этого собрания бежали в Тушино, куда Гермоген послал одну за другою две грамоты с призывом к изменникам не разорять свое отечество. Покатившиеся по наклонной плоскости изменники не вняли голосу архипастыря.

В 1609 году правительство короля Сигизмунда III решило перейти к открытой интервенции. Осенью этого года король пошел походом на русскую землю и осадил Смоленск. Тушинский самозванец оказался уже не нужным польским захватчикам и прежние тушинцы перешли в

королевское войско под Смоленском. Тушинский лагерь, оставшись без главной своей военной силы, стал распадаться. В феврале 1610 года русские тушинцы заключили под Смоленском договор с Сигизмундом о приглашении в московские цари его сына, королевича Владислава. После этого договора к Москве был направлен гетман Жолкевский, который должен был расчистить дорогу к престолу королевичу Владиславу. Под Клушиным (24 июня) русское войско потерпело поражение, и Жолкевский все ближе и ближе подходил к Москве. Сюда же двигался и прежний тушинский самозванец. Снова вспыхнуло в Москве движение против Шуйского. Против незадачливого царя состоялось у Серпуховских ворот огромное собрание. Народ требовал немедленного устранения Шуйского с престола. Только один Гермоген смело указывал на несвоевременность этого требования, но его слово было гласом вопиющего в пустыне. 17 июля Шуйский был низложен, а 19 июля он был насильственно пострижен дворянами в монахи. Гермоген не признал законным это пострижение. После низложения Шуйского власть перешла в руки семибоярской думы, но, как водилось в древней Руси, в «безгосударное время» «начальным» человеком становился патриарх. Положение Гермогена стало теперь особенно трудным. Три политических партии стали действовать в Москве. Одна настаивала на избрании нового царя, из русских,— к ней примыкал и Гермоген; другая склонялась к признанию царем бывшего тушинского самозванца; а третья, во главе которой стоял глава семибоярской думы Ф. И. Мстиславский, настаивала на приглашении в цари королевича Владислава, по примеру русских тушинцев. Гермоген после долгих споров согласился на кандидатуру Владислава, оговорив избрание Владислава рядом условий: крещением Владислава по обряду Православной Церкви и полной изоляцией его от польского влияния.

Чтобы окончательно договориться с королем о времени прибытия в Россию королевича Владислава и условиях его воцарения, к королю под Смоленск было отправлено великое посольство, с Филаретом во главе. Бояре желали дать наказ послам, чтобы они во всем полагались на волю королевскую. Гермоген решительно запротестовал против такой фразы, так как не считал короля хозяином русской земли. Гермоген потребовал как непременного условия крещения Владислава в православную веру и ухода короля с русской территории. Гермоген твердо стоял на своем. Когда один из «доброхотов» Сигизмунда, Михаил Глебович Салтыков, замахнулся на Гермогена ножом, тот заметил: «Я не боюсь твоего ножа, вооружаюсь против него силою креста Христова; будь ты проклят от нашего смирения в сем веке и в будущем!» Бояре не послушали патриарха и отправили русским послам под Смоленск грамоту в своей редакции. Однако без подписи патриарха эту грамоту великие послы не могли считать законною, и король не мог навязать послам своей воли и, прежде всего, не мог добиться сдачи Смоленска. Как послы, так и смольняне требовали, чтобы боярская грамота к ним о полной покорности королю была подписана Гермогеном.

Положение дел в Московском государстве складывалось весьма благоприятно для польского правительства. Польско-литовское войско оккупировало Москву, именем Сигизмунда писались правительственные указы. Но король не мог использовать этого момента. Автор-современник, прекрасно видевший и понимавший происходившее, в своей «Новой повести» говорит: «А ныне его, супостата, нашего злого короля, той наш град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное сердце держит и к нам итти претит». Не сдававшийся королю Смо-

ленск не позволял Сигизмунду итти с войной в глубь нашей родины, и прежде всего в Москву.

Задержка короля под Смоленском дала возможность русским людям организоваться для защиты своей родины. В этой организационной работе большая роль принадлежала патриарху Гермогену, «крепкому поборателю по вере христианстей».

Трудность положения патриарха Гермогена и великие его подвиги заключаются в том, что он в то время оказался единственным борцом за независимость родины, так как бояре, члены семибоярской думы, по образному выражению патриота-современника, превратились из «правителей» в «кривителей» и из «землеседцев» в «землесъедцев».

У патриарха Гермогена оказывалось в руках только одно орудие — сила пастырского авторитета. Вот что говорит по этому поводу цитируемый источник: «Патриарх Гермоген, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь, посреди нашего великого государства, и по православной вере поборает... и стоит един противу всех их (врагов русской земли), аки исполин муж, безо оружия и безо ополчения воинского, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа». Но это оружие патриарха-патриота оказалось острее всякого меча, обоюдуострого.

«Посыльщики» со списками патриарших грамот переходили от одного города к другому, церкви колокольным звоном созывали народ. Люди призывались стоять за освобождение родины до последнего вздоха. Ополчения разных городов двигались на освобождение народной святыни — Москвы.

Полякам стало ясно, что сила Руси не в боярах, которых легко было купить, а в народе русском, в его великой любви к родине и к тому, что для русского человека олицетворяло отчизну,— в вере православной.

По всей стране пронеслась призывная весть: «Патриарх Гермоген стал за веру и всем велел стоять!» Церковь, в лице своих пастырей, призывала на брань; многие ее служители сделались ратниками — скромными, безвестными, но мужественными. Вдовый священник — Третьяк Симакин, военачальник («голова») доблестной Тотенской рати, был далеко не исключением среди воинов, служителей алтаря Христова.

Со страшными угрозами вынуждали поляки и русские изменники согласия Гермогена на грамоту о возвращении ополченцев по домам. Но в ответ слышалось одно: «Против вашего ножа я вооружусь силою креста святого. Пока язык мой слушается меня, я буду звать людей в бой за веру и отечество».

В мартовские дни 1611 года отряды ополчения заняли окраины столицы. Поляки спаслись в Кремле и в Белом городе только за стеной огня, подожженного ими со всех сторон города.

Несчастье первого русского ополчения состояло в том, что оно шло без единого твердого военного руководства, что в его ряды проникло много вражеских провокаторов. Искусно разжигаемые раздоры ослабили ополчение, расшатали в нем дисциплину, привели к уходу из-под столицы некоторых отрядов и к вынужденному отступлению.

Святитель Гермоген, не перестававший благославлять восставших и проклинать интервентов и изменников, был заточен под крепчайший караул в подвалы Чудова монастыря. Но и отсюда голос патриарха-страдальца слышен был даже в отдаленных русских городах.

В зародившемся в Нижнем-Новгороде по призыву Кузьмы Минина ополчении Гермоген прозорливо увидал ядро нового, всесокрушающего

патриотического движения. В Дмитрии Михайловиче Пожарском святитель предугадал будущего общерусского военного вождя. И из тиши кельи выносится на свет одно из последних деяний патриарха — его пламенная, огромной впечатляющей силы грамота — послание к нижегородцам.

В этом выдающемся историческом документе великий старец возлагает на нижегородцев великое дело: сообщать от городов грамоты, снова призвать всех к объединению; повелевает им стоять во главе городов и людей, ополчившихся за родину, говорить везде от его, патриаршего имени.

«Пишите,— пламенно призывает Гермоген,— в Казань, да и в Вологду к Рязанскому владыке, да и во все города пишите, везде говорите моим именем, моим словом. Всем вам от меня благословение и разрешение в сем веке и в будущем. Стойте за веру неподвижно (то есть непоколебимо), а я за вас Бога молю».

Широко известно значение святительских посланий в деле организации нижегородского ополчения, ставшего вскоре всероссийской народной армией, которая разгромила и изгнала захватчиков из земли русской. Не ошибемся если скажем: Пожарский был военным вождем народного ополчения, был так сказать мечом восставшей за свою честь Руси; Минин был зачинателем и собирателем великого ополчения, патриарх Гермоген был вдохновителем Минина. Устами Минина говорил Гермоген,— устами Гермогена говорила совесть и душа древней Руси — Православная Церковь. Гермоген — это персонифицированная Русь в лучших качествах ее народной души.

В феврале 1612 года, уморенный голодом, патриарх Гермоген скончался. 22 октября того же года народные полки, предшествуемые иконой Казанской Божьей Матери (которую святитель в своем послании велел нижегородцам взять с собой в поход), торжественно вступили в Московский Кремль. Поляки вынуждены были очистить все захваченные ими земли.

Пройдя через длительное горнило испытаний, Русь очистилась и снова объединилась.

С полным основанием мы считаем патриарха Гермогена одним из величайших русских патриотов.

И. Н. ШАБАТИН

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ НЕВСКИЙ

(12—23 ноября, 30 августа)

«Дети мои милые! Зашло солнце Земли русской». *(Митрополит Кирилл по поводу смерти Александра Невского).*

Александр Ярославич Невский принадлежит к числу таких лиц, которые всегда будут предметом глубокого уважения и почитания русского человека, независимо от его взглядов и убеждений. Для одних он будет храбрым воином, талантливым полководцем, умеющим только побеждать; для других — святым и благоверным, но для тех и других — «солнцем земли русской», крепким «стоятелем» за родину, «печальником» за свой родной народ! Одним из источников, на основании которого можно восстановить «мужество и житие святого Александра Ярославича Невского,— этого подлинного русского героя XIII века, является его «Житие», появившееся, по всем признакам, в конце XIII века.

Обратимся к житийному повествованию о святом князе и, прежде всего, в нескольких словах охарактеризуем ту историческую обстановку, в которой жил и действовал князь Александр Невский. Вторая четверть XIII века была особенно тяжелой для русского народа. Продвигавшиеся с востока татарско-монгольские полчища Батыя в 1236 году разорили и завоевали Болгарское царство на Каме, а в следующем году начали поход уже на русские земли. В декабре месяце 1237 года они выжгли Рязань, а 7 февраля 1238 года пострадал стольный город Владимир. Участь Владимира испытали и другие четырнадцать русских городов. 4 марта 1238 года на реке Сити был настигнут татарами великий князь Юрий Всеволодович. Русская рать погибла в неравной битве. Через два года, 6 декабря 1240 года, был сожжен златоверхий Киев. Над русскою землей нависло мрачною тучей тяжелое татарское иго, установившее режим систематического террора.

Другая опасность на русскую землю надвигалась с запада. В расчете на то, что татарское завоевание ослабило военную силу и обороноспособность русских княжеств, западные соседи русского народа — немцы, шведы, литовцы — стали делать систематические попытки захвата русских земель на западной и северо-западной окраинах. Особенную энергию в этом отношении проявил тевтоно-ливонский рыцарский орден, в 1237 году объединивший, в интересах более успешного завоевания своих соседей, прежде отдельно существовавшие тевтонские и ливонские ордены.

Почин в продвижении на русский восток сделали шведы. Под воздействием папской грамоты (Григорий IX) зять больного шведского ко-

роля, некто Биргер, выступил в крестовый поход против Великого Новгорода. Великим князем, после гибели Юрия Всеволодовича, стал его брат, Ярослав Всеволодович, а в Новгороде княжил (с 1236 г.) его сын Александр. Автор жития князя Александра Невского рассматривает выступление Биргера именно как крестовый поход. Недаром устремившийся на Русь завоеватель называется у него «краль части римские от полунощные страны». «Житие», драматизируя свой рассказ, влагает в уста Биргеру следующую фразу: «Пойду и попленю Великий Новгород и прочая грады, и вся люди словенские в работу себе сотворю, и самого Александра побежу, или жива руками ухвощу». Автор «Жития» правильно угадал цели этого похода. Биргер знал, что над русскою землею тяготело «батыево пленение», и хотел использовать этот момент: захватить Ладогу, Великий Новгород и «всю область Новгородскую». Биргер собрал многочисленный военный отряд («люди многи, местеры и бискупы своя») и направился в поход «в силе тяжце, пыхая духом ратным». В июле 1240 года шведское войско вошло в реку Неву и остановилось в устье реки Ижоры. Морскую сторожевую службу нес ижорянин Филипп Пелгусий, который и дал знать новгородскому князю Александру о продвижении шведов. Александр был тогда молодой человек, двадцати с небольшим лет (родился 30 мая 1210 г.). «Житие» характеризует Александра с самой положительной стороны. Он выделялся среди окружающих его и своею внешностью: был высокого роста, обладал сильным, звучным голосом («глас его, акы труба в народе»), красивой наружностью («лице его, аки лице Есифа»)[1]. Александр отличался значительною физической силой («сила бе его часть от силы Самсона»); храбростью своей Александр напоминает автору «Жития» римского императора Веспасиана («Еспиниана»), а мудростью — библейского царя Соломона. Вообще же, говорит цитируемый автор, «князь Александр бе побежая, а не победим». Еще «от юна возраста и от младых ногтей», Александр был «всякому делу благу научен». Неудивительно, что молодой князь был популярен и в соседних странах, и рыцарь Андреяш, «некто силен от западные страны, иже нарицаются Божия», приходил в Новгород специально повидаться с Александром. Возвратившись домой, Андреяш рассказывал: «Я исходил много стран и видел много народу, но правителя, подобного Александру, я не видал ни среди царей, ни среди князей». Случай этот напоминает автору «Жития» приход к царю Соломону царицы Савской послушать мудрого царя[2]. Но свою беззаветную храбрость Александр сочетал с осторожностью, быстроту действий — с осмотрительностью и никогда не действовал наобум. Он был человек идеи и долга, мог побороть личную обиду, подавить личное настроение, когда родина звала его на свою защиту. Человек принципиальный и терпимый к личным врагам, Александр был беспощаден к врагам родины. Будучи князем Великого Новгорода, Александр Ярославич смотрел дальше пределов своего небольшого княжества. Борьбу со шведами, позднее и с немцами он рассматривал как дело не новгородское только, а общерусское. На борьбу с «божьими дворянами» Александр ведет не только новгородскую рать, но и переяславские «понизовские» полки. Неудивительно, что имя новгородского

---

[1] Составитель «Жития» имеет в виду библейского Иосифа «Прекрасного».

[2] Очень возможно, что автор «Жития» Александра в данном случае рассказывает о попытке магистра Ливонского рыцарского ордена Андрея фон Фальвена завести какие-то дипломатические переговоры с молодым новгородским князем. Энергичный князь, конечно, внушал тревогу Ливонскому магистру.

героя было популярным по всему пространству восточной Европы, до устьев Волги.

Когда Александр получил весть о движении шведов к Ладоге, он не стал медлить. Обратиться за помощью к отцу он считал невозможным делом, рассуждая, очевидно, как позднее другой русский герой, что «промедление смерти подобно есть». Шведы приближались и нужно было выступать немедленно. Александру пришлось наспех «укрепить» свое войско и поспешно, не ожидая укомплектования всей армии, в «мале дружине» выступить против врага. «Не в силе Бог, а в правде,— говорил юный герой своим ратным товарищам.— Враги наши со оружием, они на лошадях, а мы имя Господа Бога нашего призовем».

Пред выступлением в поход Александр молился в храме святой Софии пред алтарем: «Боже великий и крепкий, Боже предвечный, создавший небо и землю, поставивший границы для обитания народов и запретивший нарушать чужие пределы. Суди, Господи, обидящих меня, и не дай одолеть борющим меня, явись в помощь мне». Владыка Спиридон благословил князя на брань.

Следует отметить, что князь Александр не только считал свое дело правым, но борьбу со шведскими захватчиками рассматривал как борьбу за сохранение самобытности русского народа, борьбу за его православную веру. Такой точки зрения держится на это и автор «Жития». Так, несомненно, оценивал подвиг князя-героя и русский народ. «Житие» передает следующий случай с известным уже нам Филиппом Пелгусием. Накануне битвы Александра со шведами Пелгусий, стоя на своей страже, на рассвете слышит вдруг сильный шум на море и видит, что к берегу движется большая лодка — «насад». Посреди этого насада стоят два князя-мученика, Борис и Глеб, в пурпурных одеждах, а остальные гребцы покрыты туманом. Пелгусий слышит, как Борис говорит Глебу: «Брат Глеб, вели грести, чтобы помочь нашему сроднику Александру». Конница Александра двигалась берегом, а пешая рать плыла на лодках. 15 июля 1240 года встретились на Неве два войска — Александра и Биргера. Произошла битва. Летописец так описывает эту битву: «Бысть брань крепка зело, и сеча зла, и одоле супостатом...» В некоторых списках Никоновской летописи (так называемом Лаптевском списке) имеется такой вариант: «И бысть брань велика над римляны, и изби множество бесчисленное римлян». «Житие» и все летописные своды, цитирующие это «Житие», приводят такую подробность. Александр сражался впереди войска «и самому королю возложи печать на лице острым своим мечом...» В отряде Александра выделились своею особенною отвагой шесть человек, которые вместе с Александром «многое одоление показаша», или, как в некоторых летописных списках сказано: «с ним (Александром) крепко мужествоваху». Победа оказалась на стороне Александра. Шведы понесли огромные потери: враг увез с собою три корабля, наполненные трупами убитых шведов, было много и раненых. В ночь с 15 на 16 июля Александр вернулся в Новгород и прозван был за свою блестящую победу Невским.

Значение Невской победы было огромным. Разгром шведов на Неве устранил сильную опасность для русского народа со стороны Швеции. Александр после Невской победы прожил в Новгороде недолго. Против него возникло какое-то недовольство («крамола» или «нелюбье») со стороны новгородского боярства, и Невский герой, поссорившись с боярами, уехал из Новгорода.

Между тем история готовила Александру еще одну большую и ответственную задачу: ему предстояла сложная и трудная борьба с на-

двигавшимися с запада немецкими рыцарями. Разгром шведских захватчиков на Неве не был предостерегающим уроком для немцев, а «крамола» в Новгороде и уход Александра вселяли надежду захватить Псковскую и Новгородскую земли. В 1240 году немецкие рыцари захватили город Изборск и в том же году, при помощи группы псковских предателей («переветников») они оккупировали Псков. Немецкие полчища стали продвигаться к Новгороду. Предстояла неизбежная и серьезная борьба. Но для этой борьбы требовался организатор и вождь. В Новгороде вспомнили о невском герое. На вече решено было просить великого князя Ярослава прислать в Новгород Александра. Прибывшие к великому князю делегаты заявили: «Яко не праве... сотвориша крамолу велию, и размолвиша с сынами твоими, с великим князем Александром, и в том бы, если нелюбие великому Новгороду отдал, а сына своего Александра опять дал княжити...» После такой настойчивой просьбы Ярослав согласился отпустить сына в Новгород.

В 1241 году Александр прибыл в Новгород, восторженно встреченный населением, и энергично стал готовиться к походу на немцев. В помощь Александру прибыли и понизовские полки. В начале 1242 года Александр со своим братом Андреем, с новгородцами и понизовскими полками, «в силе велице», выступил против немцев. Все дороги к Пскову были заняты русской ратью. Вскоре же Псков был освобожден от захватчиков. После этого Александр решил разгромить немцев уже на их территории, поэтому, по словам «Жития» и летописцев, устремился на немецкую землю. Он разорил и выжег много селений, истребил много немецкого войска, а часть его взял в плен. Немцы перешли в контрнаступление, подтянули свежие силы и двинулись против Александра. Передовые отряды Александрова войска пришли в смущение, но мужественный князь не оставил своего решения бороться с немцами, не пустив их на русскую территорию. Он решил перехитрить врага и нанести ему поражение на льду Чудского озера. Александр сумел воодушевить свое войско. «Житие» очень ярко характеризует боевое состояние русской армии: «Все войско Александрово исполнися духа ратного, бяху бо сердца их, аки львом, легостью же быша, аки орли».

Немцы в борьбе со своими врагами применяли излюбленный тактический прием: двигаться колонною, построенной в виде треугольника, так называемой «свиньей». Наиболее сильные части помещались в вершине этого треугольника, «свиньи», и они обычно пробивали войско противника клином, разъединяя его. Александр изучил этот прием врага и приготовился к нему, соответствующим образом разместив свои войска. Наиболее сильные части своего войска Александр расставил на флангах и, кроме того, поставил засады на берегу. Местом для боя Александр выбрал лед на Узмени у Вороньего камня. В этом районе правый берег озера был скалистым, и, натолкнувшись на скалы, рыцари оказались бы не в состоянии подняться на высокий обрыв. К этому месту Александр и привлек своего противника. В 5 часов утра, 5 апреля 1242 года, в субботу, враги сошлись. Немецкая колонна, передовая часть «свиньи», прошла сквозь полки Невского. «Немцы же... пробишася свиньею сквозе полки»,— рассказывает «Житие». Но полки Александра ударили в эту колонну с боков. «И бысть ту сеча зла и велика». Воздух сотрясался от ломания копий, от ударов меча и столкновения щитов. Лед стал двигаться и был обильно полит кровью...[1]. На расстоянии семи верст, до так называемого Суболичского берега,

[1] Полное собрание русских летописей, гл. VII, стр. 150—151.

происходило сражение на льду. Немцев погибло до пятисот человек. Много было убито, а много утонуло. В железных доспехах и на лошадях рыцари камнем шли ко дну глубокого озера, тогда как легко одетые русские воины свободно перескакивали со льдины на льдину. Уцелевших от меча рыцарей Александр захватил в плен и провел через Псков, где они когда-то бесчинствовали, в Новгород. В 1242 году немцы отказались от захваченной ими русской территории и произвели размен пленными.

Победа Александра Невского над немецкими рыцарями имела огромное значение. Немецкие захватчики надолго были отброшены от русской границы...

Победа Александра Невского над немецкими захватчиками имела и огромное моральное значение. В тяжелую мрачную годину эта победа вселила в сердца русских людей веру в свои силы и еще более укрепила любовь к своей великой родине. Весть о славной победе облетела огромное пространство. Едва ли автор «Жития» допустил преувеличение, когда писал, что весть об этой победе попала и за Варяжское море, и до Черного (Понтского) моря, до гор Араратских, до гор Аравийских и до Рима Великого.

Неоднократно (в 1242 и 1245 гг.) Александр одерживал победы и над литовцами, которые пытались захватить соседние русские земли. В 1256 году шведы, забыв о невском разгроме, стали строить крепость на реке Нарове, чтобы начать новое наступление на Русь, но когда они узнали о приближении Александра с войском, то немедленно удалились.

Другую политику проводил храбрый князь, герой Невской победы и виновник разгрома немцев на Чудском озере, в отношении татар. Александр отлично понимал, что преждевременные вспышки локального восстания могли вызвать лишь ненужные репрессии, массовые истребления русского народа, ослабить и без того обессиленную недавним татарским разгромом Русь. По тактическим соображениям, в продолжение своего княжения князь Александр Ярославич Невский четыре раза ездил в Золотую Орду к хану. Еще в 1242 году Батый потребовал к себе Александра: «Мне покорил Бог народы,— велел сказать Александру хан,— ты ли один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сохранить себе землю свою, приходили на поклон ко мне, и увидишь честь и славу царства моего». Александр отправился в Орду к хану. «Житие» повествует, что хан, лично побеседовав с Александром, сказал своим вельможам: «Все, что мне говорили о нем, все — правда: нет подобного этому князю». В Орде князь ближе познакомился с ордынскими порядками. Он учел силу татар, взвесил все обстоятельства и наметил наиболее правильную линию поведения. Трудно было говорить о совместной борьбе русских князей против татарского владычества, раз возникли распри в семье Ярославичей. Только в 1252 году Александр получил от хана великое княжение. Тяжелое бремя легло на плечи молодого великого князя. Если борьба со шведами, немцами и литовцами была трудна, то блестящие победы и чувство народной радости компенсировали мужественного князя за понесенные труды. Совсем другим делом являлся вопрос русско-татарских взаимоотношений. Прежде всего Александру приходилось унижаться пред ханом, искать расположения его баскаков. Приходилось задаривать Орду деньгами и подарками и этим отводить ханский гнев от русского народа. Таким же трудным делом являлось уговаривание народа не противиться татарам, согласиться на перепись населения, заплатить дань

татарам. Не всегда удавалось добиться этого словами, иногда приходилось прибегать к очень тяжелым мерам, силою воздействовать на непослушных. Можно представить себе, как тяжело было князю-патриоту, жизнью своею жертвовавшему за благо родного народа на полях сражения, карать этот народ за естественное отвращение к татарскому игу. Другого выхода не было. Только такая мера и могла отвлечь новый страшный разгром русского народа, который не оправился еще от первого.

В 1257 году новый золотоордынский хан, Берке (или Беркай) сделал распоряжение о второй переписи подчиненного ему населения. Когда весть о новой переписи была получена в Новгороде, там поднялось восстание. Против переписи был настроен даже сын Александра, Василий. Александр предвидел последствия этого восстания. Он явился в Новгород, прогнал сына в Суздальскую землю и наказал главных инициаторов восстания. Однако эти репрессии не уничтожили выступления против татар народной массы: «Умрем честно за святую Софию и за домы ангельские!» — кричал народ. Только небольшая группа новгородцев соглашалась на перепись. Лишь весть о продвижении к Новгороду татарских полчищ привела народ к послушанию. Золотоордынское правительство чувствовало неоднократно враждебное отношение к нему покоренного населения и испытывало периодические затруднения при сборе дани. Поэтому оно воспользовалось предложением хивинских купцов-мусульман, так называемых «бесермен», сдать им сбор русской дани на откуп. Это обстоятельство освобождало бы золотоордынское правительство от всяких печальных случайностей и неприятных столкновений, неизбежных при непосредственном сборе дани. Бесермены, или, по русскому произношению, бусурмане, получили широкие полномочия и рьяно взялись за дело. В результате этого в 1262 году вспыхнуло восстание в Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле, Ярославле. Были изгнаны, а частью и перебиты, не только сборщики татарской дани, но и русские агенты Золотой Орды.

Золотая Орда пришла в неописуемую ярость. Хан стал готовить грандиозную карательную экспедицию. Александр снова (уже в четвертый раз) отправился в Орду хлопотать за свой народ. Предстояло опасное путешествие. Зиму и лето провел Александр в Орде. Видимо, не легко ему было выполнить свою ответственную миссию. Но все же Александр добился блестящих результатов. Карательная экспедиция была отменена. Александру удалось добиться очень важной льготы для русских: хан освободил русских от обязанности поставлять татарам вспомогательное войско.

Больным возвращался из Орды Александр. Крепкое его здоровье было надломлено непрерывными трудами и треволнениями. Еле-еле, с трудом продвигался князь в свой стольный город. Но доехать домой живым ему не пришлось. В Городце на Волге князю стало совсем плохо. Он почувствовал приближение смерти и принял постриг с именем Алексия. 14 ноября 1263 года его не стало.

Когда весть о смерти князя-«печальника» дошла до Владимира, там в это время митрополит Кирилл служил литургию. Сдерживая рыдание, митрополит вышел к народу и с трудом мог произнести только одну фразу: «Дети мои милые! Закатилось солнце земли русской!» Народ понял, в чем дело. И сплошной вопль был ответом на эту тяжелую весть: «Уже мы погибаем».

Ушел в другой мир князь, по словам «Жития» и летописи, «много потрудившийся за землю русскую, за Новгород, и за Псков, за все ве-

ликое княжество, отдавая живот свой и за православную веру». Народная молва окружила благочестивым преданием погребение любимого князя, последовавшее 23 ноября. Вот что рассказывает о погребении святого князя его «Житие» и летопись: «В лето 6771 (1263) великий князь Александр Ярославич, идя изо Орды, разболеся и, дошед Городца, пострижен в черньци ноября 14, тоя же нощи преставися. И везсше, положиша тело его в Володимери, в церкви Рожесова святые Богородица, ноября 23. Иконом (экэном) митрополита Кирилла Севастьян приступль, хоте руку его разняти, да вложит митрополит грамоту прощальную в ню, он же простре руку сам, яко жив. И вложи митрополит грамоту, он же, паки согнув руку свою, прием. Тако бо прослави Бог угодника своего». Выражением народной памяти о князе-герое является уже неоднократно цитированное нами сказание «О мужестве и житии его». Историк С. М. Соловьев говорит в заключение своего очерка о деятельности князя Александра: «Соблюдение русской земли от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории от Мономаха до Донского»[1]. В. О. Ключевский замечает, что «Житие» не выдерживает элементарных приемов древнерусской житийной литературы, изображая земные подвиги Александра и не отмечая ни одной иноческой добродетели святого. «Житие» Александра Невского отмечает ту высокую добродетель святого князя, которая является самой существенной в жизни христианина,— любовь к ближнему до самопожертвования. Великий «апостол языков» пишет: «Аще раздам вся имения моя и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть (I Кор., XIII, 3). Христос Спаситель определил и безграничные пределы этой любви: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоанн, XV, 13).

Почитание святого князя началось вскоре же после его смерти. В духовном завещании великого князя московского Ивана Ивановича названа «икона св. Александра», под которою обычно разумеют икону Александра Невского. В 1380 году были открыты мощи святого Александра и установлено было местное празднование ему[2]. В 1491 году во Владимире произошел большой пожар, пострадал от огня и Владимирский рождественский монастырь, где был погребен святой князь и где покоились потом его мощи. Несколько пострадали от огня («огорели») и мощи святого Александра. В 1723 году мощи святого Александра, по распоряжению императора Петра I, были перевезены из Владимира в новую русскую столицу, С.-Петербург и поставлены были 30 августа 1724 года в Александро-Невской лавре. В этот день Петр праздновал заключение (1721 г.) Ништадтского мира. Указом Петра от 2 сентября 1724 года постановлено было праздновать Александру Невскому, вместо 23 ноября, 30 августа. Для нового праздника составлена была, по поручению Петра, особая церковная служба. В 1727 году, при Петре II, эта служба и праздник были отменены, так как в тексте церковной службы усмотрены были некоторые выражения, содержащие «понюшение высокой чести блаженной памяти царствия Алексея Петровича». В 1730 году императрица Анна Ивановна снова восстано-

---

[1] Соловьев С. М., История России с древних времен, кн. I, III, гл. III, стр. 842.

[2] Общее празднование святому Александру Невскому во всей Русской Церкви постановлено было на Соборе 1547 года, при царе Иване Грозном и митрополите Макарии.

вила службу и празднование Александру Невскому 30 августа. Указом Священного Синода от 15 июля 1724 года предписано было на иконах изображать Александра Невского не в монашеских одеждах, как его изображали, а в княжеских [1].

Особенно дорого имя Александра Невского в наши дни, когда наша доблестная Красная Армия продолжает славный подвиг наших предков, совершенный на льду Чудского озера. Имя Александра Невского, наряду с именами других славных русских патриотов — Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова и других, одушевляет на борьбу и зовет к победе патриотов наших дней. Светская печать посвящает князю-герою обильную литературу, выходит из печати значительное количество брошюр и журнальных и газетных статей об Александре Невском и его бессмертных подвигах. Святая Церковь пред образом святого князя, ставшего теперь небесным заступником нашей родины, возносит молитвы: «Познай свою братию Российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий...»

А. МОЛЧАНОВСКИЙ

---

[1] Подробнее об этом см. у Голубинского: История канонизации святых в Русской Церкви, цит. соч., стр. 65 и 100.

МОСКОВСКИЕ СВЯТЫНИ

I. Иверская икона Божией Матери

(Очерк)

13 октября 1648 года под звон колоколов, при огромном стечении народа, торжественно вступила в первопрестольную привезенная с Афона икона Божией Матери Иверская. У Воскресенских ворот навстречу ей вышел патриах Иосиф с сонмом духовенства, царь с семейством, боярство, народ. Так торжественно была встречена эта икона, ставшая вскоре прославленной московской святыней и поныне являющаяся одной из наиболее чтимых православными, особенно москвичами, икон Пресвятыя Богородицы.

Согласно преданию, происхождение этого образа относится к царствованию греческого императора Феофила (IX в.); некоторые же относят его появление к концу IX или началу XI века, то есть около времени основания или воссоздания Иверской обители.

По имени обители, в которой находится подлинник этой иконы, она называется «Иверская», а по месту ее пребывания в Иверской обители над воротами монастыря — «Вратарница». На иконе, под верхней ризой, устроенной в конце прошлого века, благоукрашенной драгоценными камнями, находится второй, древний, оклад грузинской работы. На нем сделана надпись на грузинском языке, позволяющая отнести его к XVI веку, когда владетельный князь Кай Хосро I, принесший его в дар, правил Самхийской областью.

Появление в России Иверской иконы Богоматери, тесно связано с именем знаменитого патриарха московского Никона, во времена которого были сильны связь и живое общение между Церквами Русской и Греческой, и представители ее, а также и насельники Афона частенько приезжали в Москву. От них-то и слышал патриарх Никон, в ту пору еще архимандрит, о прославленных восточных святынях. У него зародилась мысль просить афонцев снять копию с иконы Богоматери Вратарницы Иверския. Просьба была выполнена, и в 1648 году, как мы указывали, икона прибыла в Москву, привезенная тремя иверскими монахами — экклесиархом Пахомием, иеродиаконом Дамаскином и келарем Игнатием, вместе с письмом архимандрита, в котором трогательно описывалось, как истово и молитвенно иверцы отнеслись к возложенному на них делу. Иноки, привезли так же и точный план своей обители, ибо, по мысли патриарха Никона, кивотом для чтимого образа должна была послужить целая обитель, которую он задумал построить, взяв за образец Иверский Афонский монастырь. Это являлось как бы перенесением Афона с его святыней на родную землю,— прекрасная и грандиозная мысль, достойная огненной ревности и широкого церковного кругозора патриарха.

В 1653 году на одном из островов прозрачного Валдайского озера, в местности, исполненной задумчивой красоты и величавого спокойствия, началось строительство обители, которую патриарх назвал Иверской-Валдайской. 15 августа 1656 года он лично освятил соборный храм и поместил в нем Иверскую икону, украшенную богатой золотой ризой с камнями. Но эта икона была лишь копией с афонского списка.

Подлинный же первоначальный список, встреченный у Воскресенских ворот в 1648 году, был с честью внесен в Кремль и поставлен в Успенском соборе.

Согласно записям в «Дворцовых разрядах», через шесть лет, в 1654 году 15 мая, икону отправили в Вязьму — к войскам, бывшим в походе против поляков.

После похода икону поставили в «дом Одигитрии Пресвятыя Богородицы» (Смоленский собор Новодевичьего монастыря), где она находится по настоящее время. Икона эта писана на вырезе, на левкасе. Над главой Владычицы, между двух ангелов, надпись по-гречески: «Вратарница Иверская» и над правым плечом Богоматери — вторая надпись: «Милующая». Внизу иконы, золотыми буквами, две строки: «Писал со тщанием живущий в келиях иверских Ямвлих, сын Романа, лета 1756». А по внутренней стороне поля — киноварью: «Старанием и иждевением Пахомия, архимандрита Иверского, лета 1648». На полях иконы в овалах, по шести с каждой стороны, изображены двенадцать апостолов.

В соборном храме Новодевичьего монастыря, на южной стороне, у гробницы царевны Софьи, имеется еще одна икона Иверской Божией Матери, несколько отличающаяся от описанной нами выше иконы; на полях иконы изображено в миниатюрах лицевое сказание о ней.

Появление этого второго образа в московском Новодевичьем монастыре объясняют тем, что для царицы Марии Ильиничны была сделана точная копия с афонского списка, которую она хранила в своих покоях. Впоследствии она благословила им свою дочь, царевну Софью, которая была заключена Петром I в Новодевичий монастырь, пострижена там с именем Сусанны и скончалась в схиме в 1704 году; из ее келии икона была вынесена в Смоленский собор и поставлена около ее гробницы.

Относительно прославленной иконы, стоявшей в часовне у Воскресенских ворот, столь знакомой и дорогой каждому коренному москвичу, точно неизвестно, когда и кем она была поставлена в часовню, издавна приписанную к Перервинскому монастырю. Часовня была построена, по некоторым данным, в 1660 году, а по данным Перервинского монастыря — в 1666 году, и образ поставлен в ней в 1669 году, то есть через двадцать один год после прибытия в Россию. Размеры иконы, намного превышающие афонский подлинник, заставляют думать, что она является более поздней копией, сделанной, быть может, в России. Во всяком случае, этот чудотворный образ был чтим издревле, ибо уже в 1693 году его носили по домам и «для провожания от бесчисленных людей», стремившихся приложиться к нему, посылали при иконе по два человека караула, а многочисленные привесы свидетельствовали о благодарности людей, получивших многообразную помощь от Царицы Небесной в своих нуждах и обстояниях. Во время Отечественной войны 1812 года образ с прочими московскими святынями, по распоряжению преосвященного Августина, был вывезен во Владимир.

Французы варварски разграбили часовню.

В обновленную и заново освященную часовню был вновь поставлен список Иверской иконы Божией Матери, который и до настоящего времени благоговейно чтится москвичами.

В наши дни, в связи с реконструкцией Москвы, образ был перенесен из Иверской часовни в Воскресенскую церковь, что в Сокольниках, где и помещен слева от главного алтаря.

В настоящее время образ благой «Вратарницы» снова доступен благоговейному поклонению верующих.

Т. М. БОГОСЛОВСКИЙ

Корреспонденции с мест

г. Москва

МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ

Вручая нам от имени духовенства и верующих Православной Русской Церкви танковую колонну «Димитрий Донской», построенную на средства от их пожертвований, Вы говорили: «Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Димитрия Донского ведет вас на битву за священную русскую землю, Вперед, к победе, братья-воины!»

Выполняя этот наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части, на врученных Вами танках, полные любви к своей Матери-родине, к своему народу, к вождю и отцу народов великому Сталину, успешно громят заклятого врага, изгоняя его из нашей земли. На этих грозных боевых машинах танкисты прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на 1-м Белорусском фронте и продолжают преследовать врага, освобождая от фашистской нечисти родную землю. Уничтожая врага, личный состав нашей воинской части проявил подлинный героизм и самоотверженность, незнание страха в бою, доблесть и отвагу. Все боевые экипажи за мужественное и умелое выполнение приказа Верховного Главнокомандующего награждены высокими правительственными наградами.

От имени личного состава мы благодарим Вас за врученную нам грозную боевую технику и заявляем, что она находится в верных и надежных руках. Освобождая нашу священную родину, мы будем громить и преследовать немецких захватчиков, пока видят глаза, пока бьется сердце в груди, не зная пощады к злейшим врагам человечества. Имя великого русского полководца Димитрия Донского, как немеркнущую славу русского оружия, мы пронесем на броне наших танков вперед на Запад, к полной и окончательной победе.

Да здравствут наша свободная родина!

Да здравствует величайший полководец всех веков и времен, Маршал Советского Союза товарищ Сталин!

От имени личного состава:

КОМАНДИР ЧАСТИ ПОДПОЛКОВНИК (подпись)
ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ПО ПОЛИТЧАСТИ
МАЙОР (подпись)
ПАРТОРГ, КАПИТАН (подпись)
КОМСОРГ, ЛЕЙТЕНАНТ (подпись)

30 июня 1944 года
Полевая почта 32145

ПО ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ

I. Из доклада Епископа Питирима (Свиридова), командированного на Волынь по обследованию церковных дел

Небо всегда было освещено заревом от пожаров, а воздух был насыщен гарью от сожженных сел и деревень. Отчаянный крик и вопль казнимых мужчин, женщин и детей раздавался то в одном месте, то в другом. Церковная жизнь совершенно замерла. Люди боялись посещать церковь, а священники боялись служить, ибо немцы часто окружали церкви, ловили людей и увозили их в Германию, а больше расстреливали. Были часто случаи, что немцы сами сгоняли людей в церковь и сжигали.

В селе Малинове сожжена церковь и в ней 830 человек. В селе Беляеве Ровенской области немцы замучили священника Константина Лозинского, выкололи ему глаза, отрезали уши, выломали ему руки, а потом убили его жену и детей и трупы бросили в церковь. В церковь согнали народ и сожгли. Перестреляли монахов-стариков в Загаецком монастыре. Произведено издевательство над монахами Дерманского монастыря.

Сколько погибло духовенства, сколько сожжено церквей, сейчас не поддается учету; можно только с уверенностью сказать, что число это очень велико. Временами даже жутко становится выслушивать сообщения с мест. В селе Малине уцелел только один младенец, а все остальное население сожжено немцами в церкви. В селе Колын Луцкого района немцы сожгли все село, сгорело 160 человек, из них 45 младенцев. Из прифронтовой полосы на Волыни накопилось масса эвакуированного духовенства. Вид у них жалкий. В большинстве случаев духовенство осталось без всяких средств к существованию: немцы сумели всех обобрать догола.

II. Из доклада Протоиерея А. А. Архангельского, командированного в Крым по обследованию церковных дел

Немецкие власти в Крыму лицемерно заявляли, что они не вмешиваются в духовную жизнь, но созданный ими церковно-административный подотдел был послушным орудием в их руках. Ярким доказательством этого служит нижеследующий факт. В Симферополе проживал особенно уважаемый верующими заслуженный Протоиерей о. Николай Швец. Он зачитал в своем Кладбищенском храме патриотическое воззвание Блаженнейшего Митрополита Сергия. Воззвание это получил и распространил среди верующих диакон этого же храма Александр Бондаренко. Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий. Все они попали в немилость церковно-административного подотдела и были расстреляны немецким гестапо. Установлено при этом, что о. Николая обвиняли еще в том, что он не слушался немецких ставленников и вопреки их запрещению совершал крещение евреев.

III

На третий день после прихода Красной Армии в Ялту прихожане Александро-Невского собора послали приветственное и благодарственное письмо И. В. СТАЛИНУ и в тот же день внесли в Госбанк в фонд Обороны 25.000 рублей.

Феодоровская церковь внесла в фонд Обороны 25.000 рублей.

Воскресенская церковь внесла в фонд Обороны 20.000 руб. Храмы г. Ялты так же подписались на значительную сумму на 3-й Военный Заем.

IV

Духовенство и верующие православных церквей г. Феодосии, подписавшиеся в количестве свыше 900 человек, пишут Патриаршему Местоблюстителю: «Испрашивая Вашего Архипастырского Благословения, мы, пастыри, причты Церквей и верующие города Феодосии (Крым) возносим молитвы перед Господом Богом о Вашем здравии и долгоденствии.

За время немецкой оккупации мы потеряли духовную связь и всякое единение с Главою Русского Православия.

Но наши сердца, искренно верующих христиан скорбели об этом.

Присланный Вами, Дорогой Владыко, Протоиерей о. Архангельский передал нам Ваше Святительское благословение и воссоединил нас всех с Вами.

За что приносим Вам величайшую благодарность».

V

Настоятель Александро-Невского собора г. Ялты Протоиерей о. Алексий Моссиенко пишет в Патриархию.

«Германские власти в лучшем случае проявляли к духовенству в Крыму иронически-презрительное отношение и только терпели его из политических соображений. Но при малейшем уклонении духовенства от поставленных немцами рамок жестоко расправлялись с ними. Какое либо объединение и организация церковной жизни вне рамок одного прихода фактически не допускались. Мой предшественник в Ялте священник Димитрий Чайкин, организовавший богослужение в Александро-Невском соборе, арестован немцами и расстрелян. В связи с немецкой оккупацией разрушен старый Иоанно-Златоустинский собор в Ялте и Михайловский собор в Алупке.

Красная Армия освободила нас от немцев и румын и вступила в г. Ялту в Пасхальную ночь 16 апреля с/г.

Первые отряды Красной Армии, освободившие Ялту, были встречены мною с крестным ходом».

ПОМОЩЬ ФРОНТУ

I

СВЕДЕНИЯ

о проведенных сборах (деньгами, вещами и другими ценностями) по церквам Ленинграда, начиная с 22-го июня 1941 г. по 30-е июня 1944 г.

1. Собрано духовенством и верующими на цели Обороны на постройку танков, самолетов и вообще в фонд Обороны.

а) Наличными деньгами	8.672.543 р. 66
б) Драгоценными предметами на сумму	40.006 р. 99
в) Облигациями Госзаймов	875.130 р. —

2. Собрано духовенством и верующими на оказание помощи больным и раненым, находящимся в госпиталях:

а) Наличными деньгами . . . . 2.356.668 р. 66
б) Различными предметами (полотенца, салфетки, платки и др.) на сумму . . . . 7.051 р. —

II

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Высокочтимый Вождь!

Духовенство и верующие Одессы и епархии, освобожденные Вами от немецко-румынского ига, приносят Вам, Верховному полководцу и мудрому стратегу, глубочайшую благодарность и земной поклон.

В храмах Одессы собрано для госпиталей деньгами и вещами на сумму 208.000 рублей. Пожертвовано медикаментов на 20.000 рублей.

Ильинский Кафедральный Собор, Григорие-Богословская церковь, Вознесенская церковь и Успенский собор имеют шефство над госпиталями. Михайловский женский монастырь передал для Красной Армии две лошади, коляску, одну корову и 1638 килограмм ячменя.

При четырех церквах имеются бесплатные столовые для населения, пострадавшего от войны. Сборы средств продолжаются. Патриотический подъем среди православных христиан растет.

Постепенно даже отдаленные приходы Епархии принимают участие в патриотической деятельности.

Пусть же Господь сил укрепит Вас, Великого ратоборца за счастье нашей Страны, за лучшие идеалы человечества против диавольских мрачных сил фашизма.

Да будет победоносным шествие руководимой Вами нашей Армии, освобождающей народы от уз гитлеровского насилия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЛАГОЧИННИЧЕСКОГО СОВЕТА ОДЕССКОЙ ЕПАРХИИ
ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ БРАГА
НАСТОЯТЕЛЬ ИЛЬИНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА
ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ ВИКТОР ЧЕМЕНА
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МИХАЙЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ МОНАХИНЯ АНАТОЛИЯ
СТАРОСТА ДИМИТРИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА ОДЕССЫ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ МОНАХОВ
БЛАГОЧИННЫЙ ЦЕРКВЕЙ ГОРОДА ОДЕССЫ
СВЯЩЕННИК ВИКТОР ШОКОТКО

III

Секретарь Новосибирской Епархии иеромонах Никандр сообщает:

Вместе со всей страной православные верующие Сибири принимают участие в сборе средств на военные нужды разного порядка. Сбор средств проходит во всех церквах Сибири; верующие городов и сел несут свою лепту на содержание танковой колонны им. Димитрия Донского, в фонд помощи детям фронтовиков, на подарки воинам Красной Армии и т. д.

Высокий патриотический подъем и горячие молитвы в церквах о даровании Вождю и Воинству скорейшей победы над немецкими ордами, вторгшимися на нашу священную землю, видны, где бы мы не находились: в Новосибирске, Бийске или же далеком Иркутске.

За первое полугодие собрано в церквах Сибири около двух миллионов рублей на нужды военного времени. На первом месте идет г. Новосибирск, где собрано и внесено вместе с подпиской на 3-й Военный Заем 700 тысяч рублей, на втором месте гг. Барнаул и Бийск, внесшие каждый свыше 300 тысяч руб., затем идут Омск и Красноярск, внесшие каждый свыше 100 тыс. рублей. Также значительные средства собрали и внесли в фонд обороны церкви Иркутска, Петропавловска, Акмолинска и другие.

Духовенство и верующие рапортовали Вождю народов СТАЛИНУ И. В. о собранных ими средствах на нужды военного времени и получили благодарность Вождя народов и Красной Армии.

Сбор средств и патриотическая работа по оказанию помощи нашей доблестной Красной Армии в деле разгрома немецко-фашистских орд в церквах Сибири продолжается.

IV

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Православные верующие и духовенство г. Новосибирска к первому мая собрали от вновь открытой Вознесенской церкви сто тысяч рублей на подарки бойцам Красной Армии, а от Успенской церкви — сто тридцать тысяч рублей Красному Кресту для оказания помощи семьям красноармейцев и инвалидов Отечественной войны. Все деньги внесены в Госбанк. Вознося Господу постоянные молитвы о даровании Красной Армии окончательной победы над немецко-фашистскими полчищами, желаем Вам, мудрому Вождю нашего победоносного воинства, сил и здоровья на многие годы.

АРХИЕПИСКОП НОВОСИБИРСКИЙ И БАРНАУЛЬСКИЙ
ВАРФОЛОМЕЙ

29.5.44

V

НОВОСИБИРСК. АРХИЕПИСКОПУ НОВОСИБИРСКОМУ И БАРНАУЛЬСКОМУ ВАРФОЛОМЕЮ

Прошу передать верующим и духовенству г. Новосибирска, собравшим 100 000 рублей на подарки воинам Красной Армии и 130 000 рублей в фонд помощи семьям красноармейцев и инвалидов Отечественной войны, мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

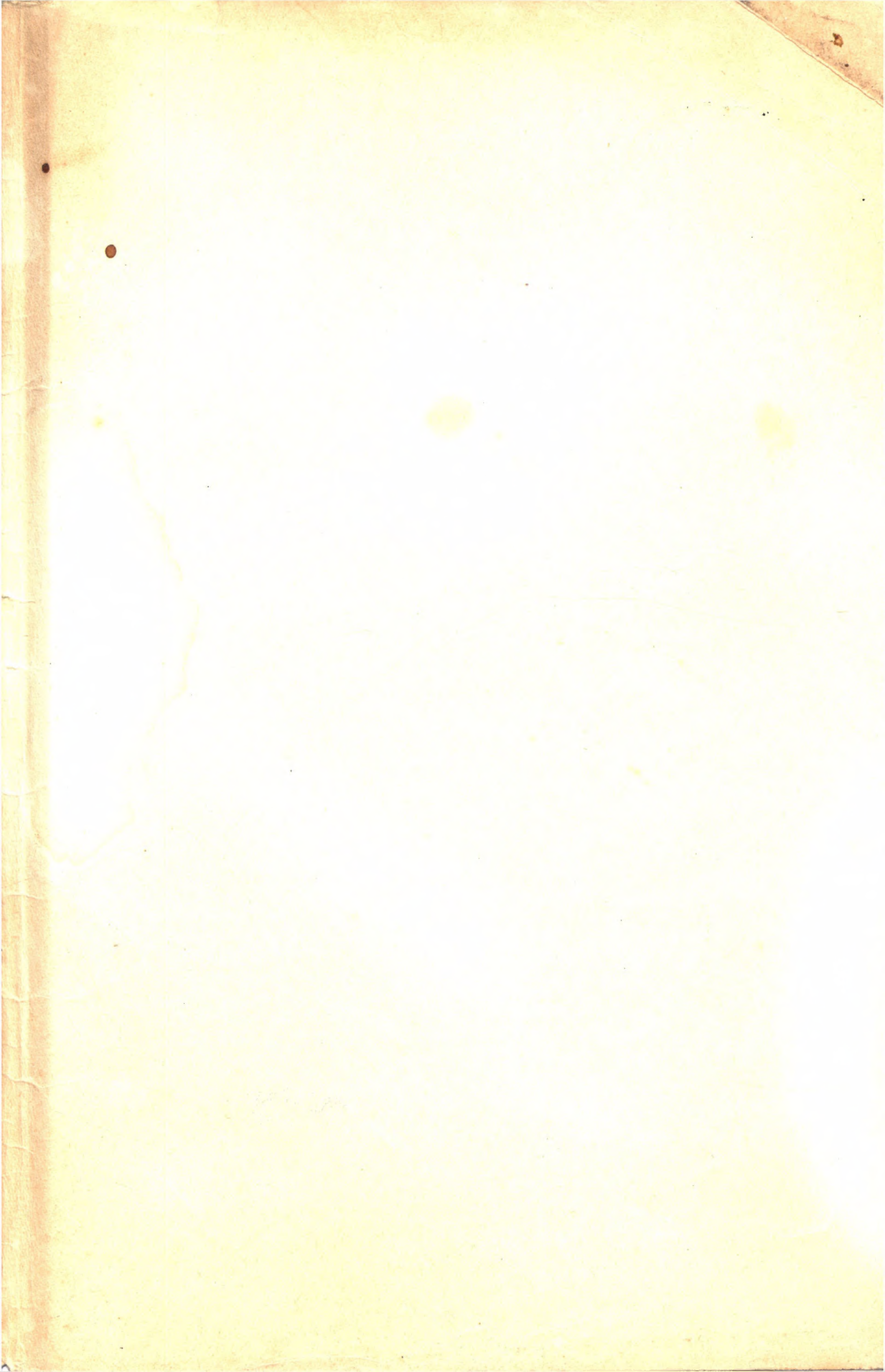
Статьи

Корреспонденции с мест

ОТ РЕДАКЦИИ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Редакция «Журнала Московской Патриархии» извещает, что прием подписки на журнал от частных лиц прекращен. Журнал посылается Епархиальным Преосвященным и районным благочинным, к которым и надлежит обращаться по вопросам подписки частным лицам.

Отпечатано в 18-й типогр. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Шубинский, 10. Зак. 984.

Цена 5 руб.